

ИНТЕРВЬЮ

«АМЕРИКА ПРИВЫКАЕТ КО МНЕ...»

Томас Венцлова. Прежде всего хочется объяснить, как я на этой выставке оказался. Я в Бостоне проездом, между вокзалом и аэропортом, и лечу я в Европу, в Бонн, где сейчас открывается огромная выставка Восточно-европейского искусства. Название этой выставки — «Europa...» — взято из известного, недавно прогремевшего фильма Агнешки Холланд. Тема выставки — влияние восточноевропейских художников на искусство Запада, искусство Европы и мира. А известно, что это влияние было очень существенным. Кандинский, Шагал, Малевич — в числе основополагающих имен в XX веке, все они из наших краев. Существует даже такая шутка, и это даже не совсем шутка, что город Витебск одно время был более значительным центром мирового искусства, чем Париж или Нью-Йорк, поскольку в нем одновременно работали Шагал, Малевич, Лисицкий и, кажется, Кандинский. Невероятное созвездие талантов. Правда, советская власть скоро положила этому конец, но что было, то было.

И вот по пути, поскольку меня вообще интересует все, что в нашем иммигрантском мире происходит, зашел я на вашу выставку. Мне это интересно не только с точки зрения искусства, но и с точки зрения социальной, насколько человек из России, не так давно сюда приехавший, ощущает себя здесь в своем мире, в «своей тарелке». Вот об этом, отчасти, я бы и хотел сегодня поговорить. Скажите, вы в Америке давно?

Михаил Ленн. Три с половиной года, почти четыре.

Т.В. Судя по всему, это ваша первая здесь персональная выставка, но, вероятно, еще до нее вы существовали в Америке как художник и зарабатывали на жизнь искусством?

М.Л. Да, в основном как художник прикладного, коммерческого плана. Я делал и делаю иллюстрации для книг, плакаты, буклеты и многое другое.

Т.В. Вы работаете только для американских заказчиков?

М.Л. Нет, не только. Я работал и для других стран, для Японии, Испании, Франции, и, как это ни странно, для России. Фирма «Sopu» заказала мне фирменный знак для своей очередной рекламной кампании, проводившейся в Москве. Я также оформлял обложки специальных журналов для научных издательств Москвы и Санкт-Петербурга. Это первая выставка, которую можно назвать выставкой Fine Art. Это живопись, которой я занимаюсь в основном для самовыражения, для души. Но, несмотря на некоммерческий характер выставленных здесь работ, выставка оказалась вполне успешной, многие картины уже куплены.

Т.В. Где вы учились, Миша?

М.Л. Я учился в Мухомском училище, в Санкт-Петербурге, тогда это еще был Ленинград.

Т.В. Простите мое невежество, это училище названо именем автора знаменитой скульптуры соцреализма «Рабочий и колхозница»?

М.Л. Да, именем Веры Мухиной, но само училище основано задолго до революции бароном Штиглицем, и там учатся, в основном, художники-прикладники.

Т.В. Училище, насколько я знаю, известное. Мне много раз попадались в литературе эти словосочетания — «училище Мухиной» и «училище Штиглица», они вошли в историю русского, а пожалуй, даже и мирового искусства. Скажите, был ли там у вас какой-нибудь учитель, которому вы особенно благодарны? Мотр, которому вы следовали?

М.Л. Да нет, пожалуй, не было. В «Мухе» преподавали (я не знаю, как сейчас) очень хорошие учителя, и у каждого, наверное, я что-то взял. В искусстве моими учителями были «классики». А пришел я в искусство благодаря родителям, и если бы можно было посвятить кому-то выставку, как автор посвящает книгу, я бы посвятил ее маме.

Т.В. После того, как я посмотрел вашу выставку, я уже могу сказать, что в искусстве вас более всего привлекает, но, пожалуй, скажите вы сами.

М.Л. В студенческие годы моим любимым направлением в искусстве был импрессионизм: Клод Моне, Огюст Ренуар... Мне нравились «сладоствость» Ренуара и некоторая небрежность, расплывчатость Клода Моне, и это, вероятно, как-то отража-

лось в моих вещах. Сейчас мне, пожалуй, ближе художники «Мира искусства»: Бенуа, Бакст, Сомов, Врубель... Русский «Серебряный век» дал миру целую плеяду талантов. Они привнесли в искусство эстетизм, изысканность... Наверное, привлекает меня в них и то, что они были прикладными художниками — художниками театра, книги.

Т.В. На вашей выставке представлены, в основном, акварели. Вы предпочитаете акварель всем остальным техникам?

М.Л. Я действительно, люблю работать акварелью. Но тут у меня не только акварель: есть акварель с пастелью, и, как видите, есть просто графика, в прямом смысле графика. Дело в том, что у меня между графикой и акварелью довольно трудно провести границу, но есть и чистая графика. Вот, скажем, эти две небольшие вещи, которые висят у входа, композиции на библейские сюжеты.

Т.В. Да, они, я бы сказал, в стиле начала века, даже стилизация под начало века. Вероятно, эта акварельно-пастельная техника, очень своеобразная, вызывает интерес к вашей выставке...

М.Л. Как-то случайно нашелся стиль, в котором хочется продолжать работать и приятно видеть, что людям это нравится, нравится настолько, что они покупают.

Т.В. В том, что вы делаете, есть какой-то оттенок и книжной иллюстрации...

М.Л. Я в большей степени книжный иллюстратор. Вот, скажем, висит одна картина, которую у меня купили, вернее, не картину, а права на книжную обложку. Это интересно в нескольких отношениях: во-первых, картина окажется на обложке книги, и тем самым она повлияет на большее число зрителей, чем она повлияла бы, если бы ее просто кто-то купил, а во-вторых, картина останется при мне.

Т.В. Скажите, Миша, существует ли писатель, которого вам бы особенно хотелось иллюстрировать?

М.Л. Мне кажется, я могу иллюстрировать очень разных писателей. Это вопрос нахождения стиля, наиболее адекватно отражающего внутреннее содержание текста. Пока что я пытаюсь работать в достаточно разнообразных стилях.

Т.В. Как я понимаю, Миша, вам не очень близки крайне авангардные течения. Впрочем, сейчас, насколько я знаю из американской прессы, к ним теряется интерес. Абстрактное искусство или поп-арт, Джексон Поллок или Джаспер Джонс, — все это достаточно далеко от того, что вы делаете. Эти художники в свое время вызвали гигантский интерес, а теперь, говорят, коллекционеры, имеющие их картины, часто не могут их продать. Во всяком случае, не могут продать за ту цену, по которой они их когда-то приобрели. А возвращается ретроспективизм, интерес к традиционному. В связи с этим я могу вам напрогнать в будущем неплохую судьбу как художника. Скажите, пожалуйста, Миша, а кем вы работали в России до приезда сюда?

М.Л. Я работал главным художником в петербургском, тогда ленинградском, шоу-бизнесе. Я приобрел там некоторую известность. К сожалению, картин, созданных в России, мне вывезти не удалось.

Т.В. Знаете, Миша, я скажу вам любопытную вещь, из своего опыта. Не знаю, так ли это в России, но, вероятно, так же. Сам я из Литвы и знаю, как картины оттуда вывозили и вывозят. На картину ставится штамп Министерства культуры, что данная картина художественной ценности не имеет. И вот тогда ее можно вывезти. Под такие штампы вывезли много, что на самом деле и м е л о художественную ценность. Но то, что на ваших картинах такой штамп не был поставлен, говорит, скорее, в их пользу. Еще один момент мне бросается в глаза на этой выставке: вот, скажем, картина, выполненная в черно-белой гамме, изображающая улицу Ньюбери, которая для вас в каком-то смысле уже становится родной, престижную улицу салонов и магазинов, которая в Бостоне играет чуть ли не ту же роль, что Египетские поля в Париже или, скажем (более скромное сравнение), Арбат в Москве... И в самой цветовой гамме и в композиции картины чувствуется влияние ориентального искусства. Вас интересует японское искусство?



М.Л. Да, конечно, я всегда этим интересовался. И хотя в Японии мне до сих пор быть не пришлось, я выполнял заказ для японцев, оформлял бостонский Азиатский Фестиваль.

Т.В. Скажите, что вас в американской художественной жизни особенно поразило? Ведь поначалу очень трудно к ней приспособиться человеку «оттуда»...

М.Л. Вы знаете, многие говорят, и говорят не без основания, что в Америке деловые связи и знакомства играют чуть ли не большую роль, чем в Советском Союзе, в котором мы провели нашу молодость. Знакомства — это первое, второе — что все рассчитывается на годы вперед. Вот эта выставка, которая сейчас сделана, была задумана год назад, причем с очень большой точностью. Не только день, но и час был установлен год тому назад. Мы в Союзе никогда не рассчитывали свою жизнь на годы вперед, а в Америке это приходится делать. Здесь точность и планирование очень важны.

Т.В. Миша, вот вы переехали из России в Америку. Я вижу, что на картинах ваших изображен мир, который вас окружает: пейзажи Бостона, поездка, яхты... И хотя есть и другие картины: натюрморты и многое другое, но первое, что бросается в глаза на вашей выставке, — это окружающий вас бостонский мир. Вероятно, в России вы изображали окружающий вас русский мир... Ощущаете ли вы психологический сдвиг, замечаете ли разницу между своими работами русского периода и американского?

М.Л. Это происходит очень медленно, и сам человек не может судить о своих психологических сдвигах, пока они не произойдут. Я думаю, что я все еще привыкаю к Америке, а Америка привыкает ко мне. Надо сказать, что это большая выгода для человека — Америка, Америка требует напряжения сил, Америка требует четкости, Америка требует большой силы воли. Но кажется, что я с Америкой в каком-то смысле справляюсь. Во всяком случае, работаю здесь гораздо больше, чем работал в России. Что же касается Бостона, то мне он и в самом деле очень нравится. Это город очень симпатичного стиля: милый, камерный город. Он, конечно, отличается от Нью-Йорка, здесь художественная жизнь не бьет ключом, как там, но тем не менее и в Бостоне есть ценители искусства. Правда, вопрос в том, как на них выйти, но, кажется, я уже их нашупал, эти пути...

Т.В. Иосиф Бродский как-то сказал о Нью-Йорке, что невозможно найти прием, чтобы его изобразить. Он говорил о стихах, но, вероятно, это же можно сказать и о живописи. А в Бостоне этот прием, по-видимому, найти легче.

М.Л. Да, и его вполне можно уловить в рамках той школы, к которой я принадлежу. Уловить дух города, его эмоциональную атмосферу, его движение, цвет легче, конечно, в Бостоне, чем в Нью-Йорке. И я рад, что живу здесь.

Т.В. Ну, что ж, Миша, желаю вам успеха и думаю, что вы уже стоите на пути к нему.

Интервью для «Бостонского Курьера» провел
Томас ВЕНЦЛОВА,
профессор Йельского университета,
New Haven, CT

ЗДЕСЬ ВАС ЖДУТ